

Е. В. Ревуненкова

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9580-9106
E-mail: evrevu@gmail.com

**Н. Н. Миклухо-Маклай и изучение папуасов
Новой Гвинеи**

АННОТАЦИЯ. В статье обобщаются представляющие историко-общественный интерес научные результаты исследований Н. Н. Миклухо-Маклая о папуасах Новой Гвинеи. Автор подробно останавливается на этнографической методике ученого, особо подчеркивается его стремление к общению с папуасами на их языке, овладению которым он придавал очень большое значение. Неотъемлемой частью научного наследия Миклухо-Маклая являются его рисунки и предметы собранной им коллекции. Для того чтобы в полной мере оценить вклад Н. Н. Миклухо-Маклая в науку, следует изучать его труды, рисунки и предметы его коллекции в неразрывном единстве. Автор статьи обращает внимание не только на фиксацию конкретного материала, которую Миклухо-Маклай считал основной целью своих исследований, но и на подспудно присущую его описаниям теоретическую базу, соответствующую этнографической науке того времени. Как истинный «человек науки», Н. Н. Миклухо-Маклай стремился установить широкие связи с выдающимися представителями мировой науки, которых он постоянно информировал о результатах своих антропологических и этнографических наблюдений (К. М. Бэрм, Э. Геккелем, Р. Вирховым, Т. Хаксли, А. Петерманом и др.). Отмечено также огромное воздействие личности ученого на самых разных людей, в том числе и на великих писателей И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Особое внимание автор уделяет творческому развитию наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, которое остается живым и действенным фактором в решении актуальных проблем современной фундаментальной науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
Миклухо-Маклай, папуасы, язык,
обряды, современные исследования,
Маклаевские чтения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ревуненкова Е. В.
Н. Н. Миклухо-Маклай и изучение папуасов
Новой Гвинеи. *Этнография*. 2021. 3 (13):
6–26. doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-6-26

E. Revunenкова

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9580-9106
E-mail: evrevu@gmail.com

N. N. Miklouho-Maclay and His Studies of the Papuans of New Guinea

ABSTRACT. The article presents a thorough overview of Nikolai N. Miklouho-Maclay's studies of the life and culture of the Papua people of New Guinea. This research is of considerable historical and public interest. The author describes Miklouho-Maclay's methodology of ethnographic studies in detail, stressing his desire to communicate with the local population in their language, mastery of which was of great importance to the traveler. Miklouho-Maclay's letters and writing, drawings and objects comprising his ethnographic collections are all integral parts of his academic heritage. It is imperative that we should study them all together and in the context of each other: only then can we appreciate the full extent of Miklouho-Maclay's contributions to scholarship. The article draws attention not only to the collected ethnographical observations (which Miklouho-Maclay considered his main purpose), but also to their theoretical base, which was characteristic of the ethnographic studies of the era. A true "man of science", Miklouho-Maclay strove to share his anthropological and ethnographic observations with the prominent thinkers of the time, among them Karl Ernst von Baer, Ernst Haeckel, Rudolf Virchow, Thomas Henry Huxley, August Petermann and others. The article also describes creative developments based on Miklouho-Maclay's heritage, which remains impactful in approaching the urgent problems of modern ethnographic scholarship.

KEY WORDS: Miklouho-Maclay,
Papuans, language, rituals, modern
research, 'Maclay readings'

FOR CITATION: Revunenкова Е.
N. N. Miklouho-Maclay and His Studies
of the Papuans of New Guinea. *Etnografia*.
2021. 3 (13): 6–26. doi 10.31250/2618-
8600-2021-3(13)-6-26 (In Russ.).

Имя Николая Николаевича Миклухо-Маклая — смелого ученого и бесстрашного путешественника, открывшего мировому научному сообществу неведомую ему культуру и жизненный уклад папуасов Новой Гвинеи, а также многих других народов Южной части Тихого океана, с непреклонной энергией отдававшего все силы борьбе за права поработанных народов, — навсегда вошло в историю мировой науки и общественно-исторической мысли. Среди его обширного научного наследия, состоящего из нескольких десятков статей, изданных в России, Германии, Франции, Австралии, Нидерландской Индии, Сингапуре, многочисленных дневников, записных книжек, сообщений, отчетов, отдельных наблюдений и мыслей, которые он не успел оформить для печати, а также богатейших коллекций рисунков и предметов Новая Гвинея занимает особое место. Он провел на острове около трех лет (в 1871–1873, 1876–1877 и 1883 гг.), поставив необычный для того времени эксперимент адаптации современного человека к первобытной среде (Путилов 1981: 23), и во многом ощущал себя папуасом — «белым папуасом» (Тумаркин 2011).

Учитывая существующую на сегодняшний день обильную и разнообразную литературу, посвященную биографии и освещению заслуг Н. Н. Миклухо-Маклая в исследовании Океании и особенно Новой Гвинеи, в данной статье будут в самом общем виде представлены только основные этапы творческого пути ученого в изучении папуасов, которое занимает выдающееся место в его научном наследии, имеет историко-общественный интерес и получает дальнейшее развитие в современных исследованиях.

Выбор Новой Гвинеи для научной работы не был у Миклухо-Маклая спонтанным. Поездке на этот остров предшествовали два года систематической подготовки еще в то время, когда интересы его лежали в области естественных наук. В 1869–1870 гг. Миклухо-Маклай работал в Йене над монографией «Материалы по сравнительной неврологии позвоночных», но при этом интенсивно изучал литературу по Океании. В его записной книжке под названием «Ethnologia» содержатся выписки из работ исследователей южной части бассейна Тихого океана — К. М. Бэра, Ф. П. Литке, Т. Вайца, Дж. Кука, Дж. К. Причарда и др. По материалам этой и других записных книжек Миклухо-Маклая можно проследить формирование его научных интересов и становление его как «человека науки» (Тумаркин 2011: 7; Белков 2014: 9–50).

Н. Н. Миклухо-Маклая не удовлетворяли труды названных ученых, поскольку в них, с его точки зрения, недостаточное внимание уделялось конкретному описанию туземцев, культура которых, как считал ученый, при столкновении с европейской цивилизацией стремительно исчезает, и поэтому не следует упускать время для изучения этих первобытных народов (Миклухо-Маклай 1993б: 6, 351). Из проштудированной литературы самое большое влияние на Миклухо-Маклая оказали

идеи Карла Максимовича (Карла Эрнста) Бэра (1792–1876) — великого естествоиспытателя, основателя эмбриологии, антрополога и этнолога. Книгу К. М. Бэра «Папуасы и альфуры» Миклухо-Маклай взял с собой в экспедицию, постоянно к ней обращался и эпиграфом к своей статье «Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее» выбрал слова К. М. Бэра о необходимости полнее изучить обитателей этого острова (Миклухо-Маклай 1993б: 10).

В этнографическом отношении он поставил перед собой две задачи, представляющие общенаучный интерес: «...во-первых, уяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам вообще, которое еще почти что не определено, и, во-вторых, по возможности и по собственным наблюдениям определить распространение этой расы по отношению с другими племенами Тихого океана...» (Миклухо-Маклай 1993б: 8). Основной базой для решения этих задач и стала для него Новая Гвинея. А для решения второй задачи — определения места папуасов среди других народов Океании — он совершал длительные поездки по многочисленным островам Меланезии, Микронезии, Малаккскому полуострову и на Филиппины.

В 1870 г. Миклухо-Маклай сделал сообщение в Русском географическом обществе о выборе Новой Гвинеи центром своих исследований. В результате, получив денежную субсидию и разрешение Александра II, он оправился на корвете «Витязь» к Новой Гвинее. После одиннадцати месяцев пребывания в пути, 19 сентября 1871 г., он высадился в северо-восточной части Новой Гвинеи — на берегу залива Астролябия, вскоре переименованном им в Берег Маклая. Основные исследования Н. Н. Миклухо-Маклай проводил в трех деревнях, расположенных недалеко друг от друга, — Бонгу, Гумбу, Горенду.

Папуасы встретили Миклухо-Маклая враждебно. В дневнике ученый подробно описывает, как вооруженные копьями папуасы с угрюмыми, встревоженными и недовольными физиономиями выпустили две стрелы, которые пролетели очень близко от его лица, и как он, почувствовав огромную усталость от подобного общения, расстелил циновку и тут же заснул (Миклухо-Маклай 1990: 93–94).

Сюжет о первой встрече Миклухо-Маклая с папуасами сохранялся в коллективной памяти обитателей Новой Гвинеи до недавнего времени, став частью их национальной культуры. Именно этот сюжет был разыгран в форме пантомимы перед участниками двух советских океанийских экспедиций 1971 и 1977 гг., причем в рассказ Миклухо-Маклая был вплетен и мотив, связанный с папуасским обычаем предлагать гостю-чужеземцу в жены одну из местных девушек (Тумаркин 1977: 80–81; 1997: 163; Башилов 1977: 93).

Уже при первой встрече с папуасами Н. Н. Миклухо-Маклай проявил выдержку, волю, мужество и спокойствие — черты характера и стиль

поведения, определяющие его отношения с папуасами в течение всех последующих лет. «Чем больше я обдумывал мое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении», — отметил он (Миклухо-Маклай 1990: 93). Подводя итоги своего первого пребывания на Новой Гвинее, то есть после пятнадцати месяцев трудной жизни среди папуасов, он не без гордости писал, что метод его оказался эффективным (Миклухо-Маклай 1990: 117). Папуасы стали относиться к нему не только с полным доверием, но и с большим уважением и любовью. Из других источников известно, что по случаю отъезда Н. Н. Миклухо-Маклая папуасами был устроен настоящий праздник, сопровождавшийся обильным угощением, многочисленными подарками, танцевальными представлениями, ударами в сигнальный барабан (барум), используемый в самых торжественных случаях, и исполнением ритуального плача (Миклухо-Маклай 1990: 425, примеч. 167). Сам Миклухо-Маклай описал, как благодаря дружелюбному настрою и хладнокровию сумел за четыре дня установить контакт с жителями из соседней враждебной деревни, которые собирались его убить. Предполагаемые убийцы прониклись доверием к нему настолько, что при проводах подарили свинью (у папуасов свинью дарят особо почетным гостям как праздничное угощение) (Миклухо-Маклай 1993а: 178–196; 1993б: 35).

Хорошо знакомый со специальной литературой по Океании и не удовлетворенный антрополого-этнографическими материалами о ней, Н. Н. Миклухо-Маклай поставил перед собой цель представить живую жизнь папуасов, предпочитая отмечать только факты и воздерживаться от всякого рода гипотез. Он писал, что мог бы с легкостью прикрыть свои наблюдения предположениями и правдоподобными догадками. Получилась бы, по его словам, интересная ткань, в которой нелегко было бы отделить правду от вымысла. «Такой образ действий мне противен, — утверждал Миклухо-Маклай, — он ставит преграду на пути научного проникновения в это и без того не легкое для исследования поле воззрений и понятий расы, от нас совершенно отличной и далекой по степени своего культурного развития» (Миклухо-Маклай 1993б: 60). Если судить только по таким категорическим высказываниям ученого, можно сделать вывод о полном неприятии им каких-либо теоретических установок. В действительности в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая явно прослеживается теоретическая подоплека, хотя и не выраженная словесно, о чем будет сказано ниже. При этом, разумеется, все усилия его были направлены прежде всего на подробную фиксацию различных сторон жизни папуасов, а для этого был «единственный путь — видеть все собственными глазами» (курсив Миклухо-Маклая. — *Е. Р.*). Ограничусь только перечислением тех сторон жизни папуасов, которые подробно описаны ученым в его статьях, дневниках и записных книжках.

Миклухо-Маклай представил сведения о повседневной жизни папуасов, их пище (преимущественно растительной), утвари, одежде (отметив скудость женских нарядов по сравнению с мужскими), украшениях, орудиях труда и оружии, тщательно зафиксировал распорядок дня папуасской семьи, отношения между мужьями, женами и детьми, описал планы и устройство деревень, типы хижин и их внутреннее убранство (Миклухо-Маклай 1993б: 33–86). Он охарактеризовал также некоторые черты социальной организации папуасов: отсутствие у них наследственных или выборных вождей и роли общего собрания взрослых мужчин для решения вопросов, касающихся всей деревни, рассказал об авторитете тамо-боро — «больших людей», т. е. людей, искусных в каком-либо деле или обладающих особыми знаниями, в том числе и религиозно-магическими. Таким «большим человеком» папуасы считали и самого Миклухо-Маклая. Отметил он у папуасов такие обряды, как инициация, обмен именами, а особенно подробно описал свадебный и похоронный обряды. В дневнике второго пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая содержится чрезвычайно подробный рассказ о свадьбе в деревне Бонгу, о поведении невесты, жениха и всех жителей деревни, о раскраске тела невесты, ее одежде и украшениях, о порядке подношения даров, музыке, танцах, угощении, о купанье в реке как заключительном акте церемонии и т. п. (Миклухо-Маклай 1993а: 162–165). Он представил яркие картины погребального обряда, различающегося в зависимости от того, хоронят ли мужчину или женщину. На похороны мужчины собирались из соседних деревень вооруженные мужчины, которые устраивали показательное сражение. Затем следовали манипуляции с покойным и само погребение (Миклухо-Маклай 1993б: 59–60). Погребальная церемония женщины длилась день и ночь; лица и тела всех присутствующих были покрыты черной краской, а муж умершей представлял своего рода пантомиму, изображающую его горе и отчаяние. На эту церемонию приходили процессии людей с подарками, которые тотчас разбирали родственники покойной. Некоторые из присутствующих произносили пространственные речи-монологи, прерываемые только женскими «воплями» (Миклухо-Маклай 1993а: 169–173).

Информацию о повседневной жизни папуасов дополняют красочные описания их праздников, сопровождаемых игрой на музыкальных инструментах, песнями, плясками, пантомимой, ритуальным обменом, обильным угощением. Обязательным компонентом праздников были раскраска тела исполнителей, специальные одеяния, головные уборы и ритуальные маски. Праздники устраивались по разным поводам, были весьма многочисленны и длились несколько дней подряд (Миклухо-Маклай 1993а: 153; 1993б: 76–77, 84, 117–122, 318–325).

Как уже было отмечено, Н. Н. Миклухо-Маклай выбрал Новую Гвинею центром своего антрополого-этнографического исследования под влиянием взглядов Карла Максимоновича Бэра. В теоретическом плане ему

также импонировала мысль К. М. Бэра о видовом единстве человечества. Так же, как К. М. Бэр, Миклухо-Маклай отрицательно относился к тем антропологам и этнологам, которые высказывали идеи о неравенстве рас. Сложность ситуации усугублялась тем, что среди этих ученых были и сторонники Чарльза Дарвина, а сам Миклухо-Маклай тоже был стойким приверженцем его теории происхождения человека.

Уже в самое первое время установления отношений с папуасами Н. Н. Миклухо-Маклай сделал открытие, имевшее большое значение в мировоззренческом плане: он опроверг распространенное в среде антропологов и биологов утверждение о пучкообразном росте волос у папуасов. Подобное утверждение служило основанием для отнесения папуасов к расам, представляющим промежуточную стадию между человекообразными обезьянами и европейскими народами (Миклухо-Маклай 1990: 417, примеч. 69). Миклухо-Маклай провел специальное антропологическое исследование, изучил распределение волос на голове у папуасов и пришел к выводу: «Групповидного или пучкообразного распределения волос я решительно не заметил. Волосы на голове папуасов растут совершенно так же, как у европейцев и вообще как на человеческом теле...» (Миклухо-Маклай 1993б: 14).

Волосы постоянно привлекали его внимание. Сведения о физическом облике папуасов он дополняет описаниями структуры и цвета волос, способов ухода за ними, головных украшений, снабжая эти описания многочисленными рисунками с изображениями мужских и женских голов с разного типа прическами. При исследовании волосяного покрова ученый столкнулся со стойким сопротивлением жителей Новой Гвинеи: они всячески противились его намерениям прикасаться к их головам и тем более срезать с них волосы. Однако он сумел в тот момент убедить папуасов в необходимости проделать все эти процедуры, превратив научный эксперимент в своеобразную игру: он срезал пучок волос у себя на голове и предложил обменять его на волосы папуасов (Миклухо-Маклай 1990: 138–140). Н. Н. Миклухо-Маклай не владел в полной мере знанием, что нежелание папуасов срезать волосы на голове было связано с целым комплексом представлений о волосах как средстве защиты от врагов, отвращения злых духов в колдовских, лечебных, гадательных обрядах и о том, что волосы как часть человека тождественны самому человеку — они являются универсальным символом, означающим жизнь и душу в самых разнообразных их проявлениях. Обобщающие работы о представлениях, связанных с волосами в Меланезии, Полинезии и на Малайском архипелаге, появились уже после смерти Н. Н. Миклухо-Маклая — в начале XX в.

Одной из особенностей, свидетельствующих о взгляде Н. Н. Миклухо-Маклая на папуасов как на равных членов человеческого сообщества, является его отношение к языку изучаемого народа. Он сразу осознал

необходимость общаться с коренными жителями на их языке. В самом начале пребывания на Новой Гвинее он чувствовал недоверие папуасов и отмечал: «Знание языка, я убежден, единственное средство для удаления этого недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь для ознакомления с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными» (Миклухо-Маклай 1990: 117). Вскоре он преодолел языковой барьер и свободно общался с папуасами на языке бонгу, распространенном в трех основных центрах его исследований. Но ученый не ограничился знанием только языка бонгу. Он написал подробные заметки о диалектах и составил словарь наречий папуасов Берега Маклая и Берега Папуа-Ковиай на Новой Гвинее (Миклухо-Маклай 1993б: 62–123, 123–153, 177–186). Языковая позиция ученого касалась не только папуасов. Во многих пунктах своих исследований он записывал слова основного словарного фонда, причем старался как можно точнее передать их звучание. Стремление к максимально точной фиксации собранного языкового материала, который, пользуясь его выражением, проходил через фильтр критики с его стороны, обеспечило большую достоверность этого материала и возможность использования его последующими поколениями лингвистов и этнологов в течение всего XX в. Именно так произошло со сведениями Н. Н. Миклухо-Маклая по языкам аборигенов Малаккского полуострова (Ревуненкова 1994: 134–148).

Идея о равноценности рас наиболее ярко выразилась в общественно-политической деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая. Он не был бесстрастным наблюдателем жизненного уклада, обычаев и культуры обитателей Новой Гвинеи. Всеми доступными средствами отстаивая их право на достойное существование и собственный путь развития, он обращался к правительствам Англии, Германии и России с протестом против губительного для коренных обитателей Новой Гвинеи влияния европейской цивилизации, выступал против аннексии Берега Маклая Германией и выдвигал идею создания «Папуасского союза», установления российского протектората над Берегом Маклая и основания вольной колонии русских поселенцев на Новой Гвинее. В русле защиты прав угнетенных народов следует рассматривать и такую до недавнего времени не затрагиваемую исследователями творческой биографии Миклухо-Маклая тему, как предоставление им российскому правительству информации политического и военного характера о южной части Тихого океана (Массов 1994: 204–223).

В XIX — начале XX в. в этнологии довольно широко была распространена паннегритосская теория, сторонником которой был Миклухо-Маклай. Она во многом повлияла на маршруты его путешествий. Приверженцами этой теории устанавливалось родство между негритосами, неграми Африки и папуасами. Разделяя эти взгляды и стремясь выяснить происхождение папуасов, Миклухо-Маклай искал родственные им народы прежде всего внутри Южно-Тихоокеанского бассейна. Это

привело его в 1873 г. к аэта — обитателям северного Лусона (Филиппины), а в следующие два года — в места расселения негритосских племен Малаккского полуострова. Он был уверен, что доказал генетическое родство папуасов и аборигенов Малаккского полуострова и даже обнаружил у последних рудименты меланезийского языка (Миклухо-Маклай 1993а: 5–66, 70–91). Выводы Миклухо-Маклая о родстве папуасов и негритосов не подтверждаются, но и не опровергаются полностью более поздними и современными исследованиями. Вопрос о происхождении негритосов до сих пор остается дискуссионным (Ревуненкова 1994: 131–148; Козинцев 2001: 90–96). Поэтому материалы Н. Н. Миклухо-Маклая об аборигенах Малаккского полуострова могут и в настоящее время использоваться в обсуждении этой все еще не решенной проблемы.

Предпринятые Миклухо-Маклаем путешествия по Малаккскому полуострову, на Филиппины и ряд островов Океании можно рассматривать как изучение им папуасов в сравнительно-историческом плане. Это направление его исследований обозначилось еще раньше, в ходе поездки к папуасам западной части Новой Гвинеи, называемой Папуа-Ковиай, — колониального владения Нидерландов (Миклухо-Маклай 1990: 277–344; 1993б: 154–188). Несмотря на кратковременность этой поездки (с середины февраля до конца апреля 1874 г.), он собрал богатый материал о жизни и обычаях папуасов Папуа-Ковиай, позволивший ему сделать вывод о значительной отсталости их культуры по сравнению с папуасами Берега Маклая (Миклухо-Маклай 1990: 340). Записывая свои ежедневные наблюдения во время этой поездки, он также сделал несколько заметок сравнительно-этнологического характера (Миклухо-Маклай 1993а: 211). Огромный антропологический и этнографический материал был собран ученым во время его поездок на острова Адмиралтейства, Соломоновы острова, Новые Гебриды, острова Яп, Эпи и др., все эти сведения составляли базу для сравнительных исследований в задуманной (но неосуществленной) им обобщающей работе под названием «Иллюстрированный труд по этнологии меланезийцев».

Неотъемлемую и особую часть научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая составляют его рисунки. Ученый считал их «важной, даже необходимой частью своей работы» (Миклухо-Маклай 1993б: 33). Рисунки являются не только иллюстрациями к его текстам, но часто дополняют, разъясняют, а иногда и заменяют словесный текст, выполняя его функцию. Н. Н. Миклухо-Маклай в ряде случаев отсылает к ним читателя, будучи уверен, что рисунки точнее, чем слова, передают впечатление от вида того или иного предмета, облика человека или его украшений, и это делает подробное вербальное описание излишним (Миклухо-Маклай 1993а: 170). Его рисунки выступают, таким образом, как самостоятельный источник для изучения бытовой и ритуальной культуры папуасов и других народов Океании (Бутинов 1949: 213–231; Лебедева 2014: 124–156).

Много внимания уделил ученый описанию папуасского искусства, музыки, пения, музыкальных инструментов (Миклухо-Маклай 1993б: 65–75). Касаясь проблемы первобытного искусства, Н. Н. Миклухо-Маклай представил многочисленные образцы орнамента на предметах быта у папуасов Берега Маклая (Миклухо-Маклай 1993б: 88–90) и татуировки, особенно у жителей юго-западной части Новой Гвинеи — Папуа-Ковиай (Миклухо-Маклай 1993а: 308, 310–311, 316, 318–319, 328). Как пишет он в своем дневнике, «татуировка представляет собой значительный интерес для этнолога <...>, потому что известные орнаменты переходят как бы по наследству от одного поколения к другому и совершенно характерны для известной местности, при переселении туземцы вместе с языком и другими физическими особенностями переносят также и татуировку в свое новое место жительства, почему на орнаменты татуировки и всю операцию, сопряженную с ней, путешественник должен обратить полное внимание...» (Миклухо-Маклай 1993а: 311). Эти мысли Миклухо-Маклая предвосхитили общепризнанный в современной науке тезис о том, что орнамент является одним из важнейших показателей древних и традиционных культур со времен неолита. Именно сопоставление орнамента на рисунках Н. Н. Миклухо-Маклая и на предметах его коллекции позволило Людмиле Алексеевне Ивановой — археологу по образованию и исследователю культуры народов Океании, в том числе этнографического собрания Миклухо-Маклая, — установить происхождение ряда предметов из его коллекции и атрибутировать их (Иванова 2021: 105–110). В современной российской этнографии существует целое направление — орнаментоведение, основателем которого является Сергей Васильевич Иванов (1895–1986), крупнейший исследователь изобразительного искусства народов Сибири (Иванов 1963).

Выдающееся значение для этнографии имеет собранная Н. Н. Миклухо-Маклаем коллекция предметов. При этом теоретические установки Н. Н. Миклухо-Маклая о приобретении вещей для коллекций расходились с его реальной собирательской деятельностью. Питая, по его собственным словам, антипатию к собиранию вещей, он был убежден, что «следует главным образом обращать внимание не на собирание коллекций, а на собирание наблюдений (курсив Миклухо-Маклая. — *Е. Р.*), изучать антропологический *habitus*, характер, нравы и обычаи туземцев» (Миклухо-Маклай 1996: 552). Однако он целенаправленно приобретал предметы, составившие впоследствии большую и ценную коллекцию, которая характеризует разные аспекты культуры и быта папуасов и обитателей других островов Тихоокеанского бассейна. Коллекция была с большими трудностями доставлена в Петербург и выставлена на всеобщее обозрение в Академии наук 8 октября 1886 г. Выставка длилась несколько месяцев, к ней был опубликован каталог с атрибуциями предметов, подготовленный самим собирателем. Миклухо-Маклай проводил экскурсии по своей

выставке, он также прочитал ряд лекций и несколько раз выступал перед публикой; все его выступления имели ошеломляющий успех (Путилов 1994; 1997). После окончания выставки коллекция была подарена Академии наук в Музей антропологии и этнографии, где хранится до сих пор.

Чтобы в полной мере оценить вклад Н. Н. Миклухо-Маклая в науку, следует изучать его труды, рисунки и предметы собранной им коллекции в неразрывном единстве (Иванова 1997: 30). Научное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая представляет огромную ценность в антропологическом, этнографическом и историко-общественном плане. Сделанные им открытия изучали в течение всех последующих после его смерти лет и продолжают интенсивно изучать исследователи биографии, творческого пути и незаурядной личности великого ученого-гуманиста. Суммируя открытия, сделанные российским ученым в области антропологии, этнографии и этнологии, один из современных исследователей научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая ставит его в ряд с общепризнанными классиками этих наук — Б. Малиновским, Р. Тейлором, Дж. Дж. Фрэзером и др. (Белков 2014: 79–107).

Папуасы не забыли Миклухо-Маклая, но образ его постепенно был преобразован в соответствии с духом традиционного мировоззрения: Миклухо-Маклай стал героем преданий, приобрел в народном сознании черты культурного героя и одного из могущественных божеств культа карго. Такая трансформация образа реального человека имеет мало аналогий в мировой культуре, но она важна в теоретическом плане для понимания первобытного сознания (Кабо 1984). Миклухо-Маклай и сейчас живет в коллективной памяти папуасов. Из поколения в поколение передаются старые предания о нем и создаются новые. Они составляют важный пласт современного фольклора и культуры папуасов Новой Гвинеи (Бутинов 1950: 739–750; Тумаркин 1977: 80; 1997: 158–169; 2015: 15–16; Туторский 2014: 157–192).

Личность Миклухо-Маклая оставила глубокий след не только в сознании папуасов. Он был довольно популярен и привлекал внимание самых разных людей, с которыми сталкивала его судьба как в России, так и в других странах. В российской прессе регулярно появлялись сообщения о его путешествии по островам Океании, многие современники написали о нем воспоминания (Говор 1986: 110–118). Под сильным воздействием личности Н. Н. Миклухо-Маклая находились и великие русские писатели — Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев. Л. Н. Толстой написал Миклухо-Маклаю обширное письмо, в котором выразил свое восхищение его научным подвигом. Письмо заканчивается словами, очень созвучными нашему времени: «Не знаю, какой вклад в науку ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом» (Толстой 1984: 118).

Н. Н. Миклухо-Маклай был тем, кем прежде всего считал себя сам — «человеком науки», — и как истинный ученый стремился к общению в научной среде и установлению широких связей с выдающимися представителями мировой науки. В его обширном эпистолярном наследии большое место занимает переписка с прославленными учеными — учителями и современниками, которых он постоянно информировал о результатах своих антропологических и этнографических наблюдений. Он вел переписку с академиком К. М. Бэрром, а также со своим любимым учителем, лекции которого слушал в Йенском университете, — знаменитым биологом Эрнстом Геккелем (1834–1919). Интенсивно переписывался с Рудольфом Вирховым (1821–1902) — выдающимся патологоанатомом, врачом, физиологом, одним из основателей клеточной теории в биологии и медицине, а также археологом, антропологом и палеонтологом. Одним из постоянных адресатов его писем был Антон Дорн (1840–1909) — известный зоолог, друг юности, с которым Н. Н. Миклухо-Маклай в самом начале своей научной деятельности занимался сравнительно-анатомическими исследованиями в Мессине. Немалое место в переписке Н. Н. Миклухо-Маклая занимают его письма к Томасу Хаксли (Гексли) (1825–1895) — ближайшему соратнику Ч. Дарвина, выдающемуся натуралисту, крупнейшему специалисту в области сравнительной анатомии и эволюционной теории, несколько лет возглавлявшему Лондонское королевское общество. Н. Н. Миклухо-Маклай установил научные связи и с видным индологом и специалистом в области сравнительного языкознания академиком Отто Николаевичем Бётлингком (Бётлингом) (1815–1904). Он считал необходимым знать мнение О. Н. Бётлингка о своих материалах по языкам и диалектам папуасов Новой Гвинеи и негритосов Малаккского полуострова. Большое значение для Н. Н. Миклухо-Маклая имело знакомство со статьей знаменитого географа и картографа Августа Петермана (1822–1878), в которой автор говорил о необходимости незамедлительного изучения Новой Гвинеи. Именно статья Петермана окончательно укрепила Миклухо-Маклая в решимости заняться исследованием этого острова. Ученые вели активную переписку. Август Петерман внимательно следил за передвижением Миклухо-Маклая по островам Океании, выражал свое одобрение и восхищение его деятельностью. «Мои самые сердечные пожелания сопровождают Вас в Вашем большом и могучем предприятии, пусть счастье благоволит к Вам во всех отношениях — вот сердечное пожелание Вашего глубоко Вас уважающего и преданного А. Петермана», — писал он в одном из писем к Миклухо-Маклаю (Миклухо-Маклай 1996: 602). Август Петерман по горячим следам публиковал сообщения Н. Н. Миклухо-Маклая в издаваемом им журнале «Geographische Mitteilungen», который считался в то время лучшим в Европе.

Из зарубежных ученых, сумевших оценить научную значимость и героизм Н. Н. Миклухо-Маклая и написавших воспоминания о нем, можно назвать русского и французского натуралиста и антрополога Жозефа Денникера, французского историка и публициста Габриэля Моно, инженера и путешественника, члена Британского географического общества Эрве Саллигана Томассена. Их книги с дарственными надписями сохранились в библиотеке Н. Н. Миклухо-Маклая (Шаскольская 2014: 108–123). Большое впечатление Миклухо-Маклай произвел на итальянского натуралиста Одоардо Беккари, принимавшего участие в судьбе российского ученого и оказывавшего ему всяческую помощь (Анфертьев 1990: 435–437).

В советский и постсоветский периоды отечественной истории труды Миклухо-Маклая неоднократно издавались, их продолжают издавать, читать и интерпретировать, и, как и в прежние времена, они порождают серьезные дискуссии о его научной деятельности (Миклухо-Маклай 1923; 1940–1941; 1950–1954; 1990–1996; Старое и новое... 2014).

Современные российские ученые не только изучают богатое этнографическое наследие Миклухо-Маклая, но и благодаря полевой работе в тех же местах, где жил и работал ученый, уточняют, дополняют и развивают многие его наблюдения и мысли. Они зафиксировали и те изменения, которые произошли в жизни островитян со времени пребывания у них Миклухо-Маклая. Так, была выявлена давно существующая, но не отмеченная Миклухо-Маклаем клановая структура деревень (вемуну) и ее соотношение с малыми семьями, отмечены архаичные компоненты социальной организации и связанные с ними обычаи, особенности обряда инициации, сохраняющего свое значение и в настоящее время, несмотря на то что все жители Бонгу считаются христианами (На Берегу Маклая 1975; Тумаркин 1977; 2015: 6–30). Были дополнены сведения о мужских домах, неоднократно упоминаемых Миклухо-Маклаем. Ученый обращал внимание на их своеобразный, отличный от семейных хижин внешний вид и считал, что они являются местом хранения музыкальных инструментов (Миклухо-Маклай 1993б: 45–46). Российские продолжатели его дела определили современный состав обитателей мужских домов, выявили их социальную функцию и значительное ослабление их ритуального значения (Басилов 1977: 89–103). Дальнейшее развитие получили наблюдения Миклухо-Маклая о фольклоре и музыкальных инструментах. Картина живого бытования фольклора у папуасов и других обитателей стран Южных морей была представлена в единстве и взаимодействии мифа, обряда и песни с трудовой и ритуальной деятельностью. Что касается музыкальных инструментов, описанию которых Н. Н. Миклухо-Маклай уделял немалое внимание, то сведения о них также были дополнены Б. Н. Путиловым, который раскрыл их важнейшую роль в ритуально-мифологическом комплексе папуасов и показал, что эти инструменты

являются атрибутами тайного мужского культа, запретного для женщин (Путилов 1978; 1980).

Одним из направлений, в рамках которого осуществляются изучение и творческое развитие наследия ученого, являются ежегодные Маклаевские чтения, проводимые с 1980 г. в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН в Санкт-Петербурге и приуроченные ко дню памяти Н. Н. Миклухо-Маклая (14 апреля 1888 г.). Под таким же названием проходят конференции в честь дня рождения ученого (17 июля 1846 г.) на его малой родине — в районном центре Окуловке и деревне Языково-Рождественское. На обеих конференциях обсуждается широкий спектр проблем, касающихся историко-культурного развития австрало-океанийского региона. На эти конференции собираются специалисты многих областей науки — этнографы и историки, лингвисты и филологи, фольклористы и музееведы, библиотечные работники, океанологи, экономисты, политологи, преподаватели разных высших учебных заведений, художники, дизайнеры и т. д. На каждой конференции, проходящей как в Санкт-Петербурге, так и на родине Н. Н. Миклухо-Маклая, обязательно присутствуют доклады и сообщения, авторы которых представляют ранее не известные материалы о личной и творческой биографии ученого или предлагают новые интерпретации маклаевских материалов, наблюдений и выводов, исходя из современных знаний о коренных обитателях стран Южных морей. Конференции отличаются друг от друга формой и стилем. Маклаевские чтения в Санкт-Петербурге носят строго академический характер, а в Окуловке и Языково-Рождественском они проходят в более свободной, раскованной манере и состоят из двух частей. Начинаются они с торжественного митинга у памятника Н. Н. Миклухо-Маклаю в Окуловке, приветственных речей представителей районной администрации, гостей и возложения цветов к подножию памятника. Затем следует научное заседание с докладами ученых, в большинстве своем из Петербурга и Москвы, а также работников районного отдела культуры, музея Миклухо-Маклая в Окуловке, гостей и многих других участников конференции. На каждой конференции, проходящей на родине ученого, обязательно присутствуют и выступают потомки Миклухо-Маклая из России, иногда из Австралии. Среди последних необходимо отметить особенно важную роль в изучении наследия Н. Н. Миклухо-Маклая внука ученого из Австралии — Роберта Миклухо-Маклая (1919–1994). Он был одним из основателей Общества им. Миклухо-Маклая в Сиднее (1979 г.), много лет исполнял обязанности секретаря, а в 1990–1994 гг. — председателя общества. Роберт Миклухо-Маклай издавал бюллетень Общества Миклухо-Маклая и написал несколько статей о своем знаменитом деде. Он неоднократно посещал Россию по приглашению Академии наук и Географического общества, был тесно связан с российскими учеными, щедро делился с ними

найденными в Австралии документами и сведениями о Н. Н. Миклухо-Маклае. Один из серийных выпусков материалов Маклаевских чтений в Петербурге посвящен памяти Роберта Миклухо-Маклая (Этнография, история... 1997).

Возвращаясь к структуре Маклаевских чтений, проходящих на родине Н. Н. Миклухо-Маклая, надо подчеркнуть, что за их торжественной и научной частью следует вторая — зрелищная — часть, устраиваемая обычно в Языково-Рождественском, на поляне, где когда-то стоял дом семьи Н. Н. Миклухо-Маклая. Поляна становится местом общения участников конференции и своеобразной сценой, на которой разыгрываются любительские театрализованные представления, изображающие наиболее яркие эпизоды из жизни Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее, описанные ученым в дневниках. В качестве «артистов» выступают работники музея Миклухо-Маклая в Окуловке и местные школьники, которые под руководством режиссера спектакля (обычно кого-либо из учителей школы) с большим воодушевлением входят в роли Н. Н. Миклухо-Маклая и папуасов. Нередко после театрализованного представления начинаются выступления самодеятельных коллективов и фольклорных ансамблей. Праздник сопровождается угощением и чаепитием, чай разливают из огромного самовара, кипящего здесь же на поляне. На поляне же разворачивается выставка разного рода фотографий — видов старинной семейной усадьбы и ее обитателей, а также представляющих основные этапы биографии Н. Н. Миклухо-Маклая, которого на его родине принято называть «наш земляк».

На Маклаевские чтения в Окуловку и Языково-Рождественское съезжаются многочисленные журналисты из близлежащих городов (Новгорода, Боровичей) и районных центров, а также большое количество местных жителей, гостей и отдыхающих в летнее время дачников. Каждый год это событие (так же, как интервью с участниками чтений) освещается в местной прессе и на радиостанциях. Маклаевским чтениям на родине Н. Н. Миклухо-Маклая присуща атмосфера настоящего народного гулянья, веселья, непринужденного дружеского общения и особой теплоты (Ревуненкова 1997: 3–9). Но при этом ни в малейшей степени не теряется научный и общественный характер этого праздника. Во-первых, как отмечалось выше, первая часть Маклаевских чтений в Окуловке состоит из чтения и обсуждения научных докладов. Во-вторых, поляна, на которой проводится это мероприятие, — в деревне Языково-Рождественское, где и родился Н. Н. Миклухо-Маклай, — не раз становилась площадкой или трибуной, с которой представители местной интеллигенции, неравнодушные к экономическим, экологическим и другим актуальным проблемам своей земли, открыто говорили о них. Это свидетельствует о том, что Н. Н. Миклухо-Маклай на родине воспринимается не только как всемирно известный ученый и герой, которым земляки очень гордятся, но

и как человек, образ которого остается им близок и в настоящей жизни. Поэтому именно с Н. Н. Миклухо-Маклаем, хотя бы и косвенно, посредством посвященной ему конференции, люди связывают надежды на решение наболевших проблем сегодняшнего дня, касающихся их общей родной земли. Такое отношение к памяти великого соотечественника на его родине перекликается со сложившимися у жителей Новой Гвинеи представлениями о Н. Н. Миклухо-Маклае как о культурном герое или ипостаси культового доброго божества. И это не парадокс, если помнить об идее равноценности рас, пламенным приверженцем которой был Н. Н. Миклухо-Маклай.

Маклаевские чтения в Петербурге с их традиционным академизмом и в Языково-Рождественском с их стихией народного празднества дополняют друг друга и способствуют взаимному обогащению представлений о замечательной личности и трудах выдающегося российского исследователя. Между тем его труды продолжают стимулировать движение научной мысли современных российских ученых, занимающихся изучением разных аспектов жизни обширнейшего австрало-океанийского региона. Исследователи этой части мира постоянно обращаются к научному наследию Н. Н. Миклухо-Маклая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анфертьев А. Н. Одоардо Беккари // Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1990. С. 435–437.

Басилов В. Н. Мужской дом в Бонгу // Советская этнография. 1977. № 6. С. 89–103.

Белков П. Л. Происхождение Н. Н. Миклухо-Маклая как «человека науки»: Записная книга Ethnologia: проблема выбора главной задачи // Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 9–50.

Белков П. Л. Этнографические открытия Н. Н. Миклухо-Маклая. «Иллюстрированный труд по этнологии меланезийцев» // Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 79–107.

Бутинов Н. А. Рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 213–231.

Бутинов Н. А. Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников // Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: в 5 т. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 739–750.

Бутинов Н. А. Миклухо-Маклай на Берегу Маклая // На Берегу Маклая Этнографические очерки. М.: Наука, 1975. С. 5–25.

Говор Е. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай в воспоминаниях современников (забытые страницы) // Советская этнография. 1986. № 2. С. 110–118.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (на материалах XIX — начала XX в.). Народы Сибири и Дальнего Востока // Труды Института этнографии. Нов. сер. Т. 81. М., 1963.

Иванова Л. А. Источниковедческие проблемы изучения этнографического собрания Н. Н. Миклухо-Маклая // Человек из легенды. К 150-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая. (Малайско-индонезийские исследования VIII). М., 1997. С. 19–30.

Иванова Л. А. Этнографическое собрание Н. Н. Миклухо-Маклая. Материалы и исследования по источниковедению и атрибуции. СПб.: МАЭ РАН, 2021.

Кабо В. Р. [Рец. на:] Путилов Б. Н. Песни Южных морей. М., 1978. 193 с.; Миф-обряд-песня Новой Гвинеи. М., 1980. 383 с.; Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии М., 1981. 213 с.; Человек с Луны. Дневники, письма, статьи Миклухо-Маклая / Сост., коммент. и послесловие Б. Н. Путилова. М., 1982. 136 с. // Советская этнография. 1984. № 2. С. 167–170.

Козинцев А. Г. Эволюция человеческих популяций в южной части Тихоокеанского бассейна: новые факты и обобщения // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия: народы, культура, история. Маклаевские чтения (1998–2000). СПб., 2001. С. 90–96.

Лебедева А. А. Материалы и исследования этнографических рисунков Н. Н. Миклухо-Маклая. Из истории Маклаевской коллекции МАЭ РАН // Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 124–156.

Массов А. Я. Переписка Н. Н. Миклухо-Маклая с министром иностранных дел России Н. К. Гирсом о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании // Страны и народы Востока. Вып. XXVIII. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. С. 204–223.

Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. Т. I: Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. / Вступ. статья Д. Н. Анучина. М., 1923.

Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия / Подготовили к печати И. Н. Винников, А. Б. Пиотровский. М.; Л., 1940. Т. I.

Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия / Подготовили к печати И. Н. Винников, А. Б. Пиотровский. М.; Л., 1941. Т. II.

Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: в 5 т. М.; Л., 1950–1954.

Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Наука, 1990–1996.

Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия 1870–1874 гг. Дневники, Путевые заметки. Отчеты // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1990. 472 с.

Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия 1874–1887 гг. Дневники. Путевые заметки. Отчеты // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Наука, 1993а. 528 с.

Миклухо-Маклай Н. Н. Статьи и материалы по антропологии и этнографии народов Океании // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Наука, 1993б. 416 с.

Миклухо-Маклай Н. Н. Письма. Документы и материалы // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Наука, 1996. 823 с.

На Берегу Маклая. Этнографические очерки. М.: Наука, 1975. 327 с.

Путилов Б. Н. Песни Южных морей. М.: Наука, 1978. 193 с.

Путилов Б. Н. Миф-обряд-песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980. 383 с.

Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1981. 213 с.

Путилов Б. Н. Человек с Луны. Дневники, письма, статьи Миклухо-Маклая. / Сост., коммент. и послесловие Б. Н. Путилова. М.: Молодая гвардия, 1982. 336 с.

Путилов Б. Н. Этнологическая выставка Н. Н. Миклухо-Маклая в 1886 г. // Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура. Маклаевские чтения 1993–1994 гг. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 194 с.

Путилов Б. Н. Вокруг этнографической выставки Н. Н. Миклухо-Маклая // Этнография, история, культура стран южных морей. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 21–29. 243 с.

Ревуненкова Е. В. Н. Н. Миклухо-Маклай об аборигенах и малайцах Малаккского полуострова // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 134–148.

Ревуненкова Е. В. Немного об истории и географии Маклаевских чтений // Этнография, история, культура стран Южных морей. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 3–9.

Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению / Отв. ред. и сост. П. Л. Белков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 251 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 19. С. 117–118.

Тумаркин Д. Д. Новая встреча с Океанией // Советская этнография. 1977. № 6. С. 71–88.

Тумаркин Д. Д. Миклухо-Маклай и его наследие (к 100-летию со дня смерти) // Этнографическое обозрение. 1988. № 2. С. 5–7.

Тумаркин Д. Д. Вторая жизнь Н. Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа — Новой Гвинее // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 158–169.

Тумаркин Д. Д. Белый папуас. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011. 623 с.

Тумаркин Д. Д. О тамо кайе (о полевой работе на Берегу Маклая) // Воспоминания сотрудников ИЭА РАН / Отв. ред. И. А. Аржанцева, М. Л. Бутовская. М., 2015. С. 6–30.

Турторский А. В. Предания о Н. Н. Миклухо-Маклае в культуре жителей Берега Маклая // Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 157–192.

Шаскольская Т. И. Неизвестные рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая, автографы и дарственные надписи в Маклаевской коллекции библиотеки МАЭ РАН // Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 108–123.

Этнография, история, культура стран южных морей. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. / Отв. ред. Е. В. Ревуненкова, Н. А. Бутинов. СПб.: МАЭ РАН, 1997. 243 с.

REFERENCES

Anfert'ev A. N. [Odoardo Beccari]. *Miklukho-Maklai N. N. Sobranie sochinenii v 6-ti tomakh* [Miklouho-Maclay N. N. op. in 6 volumes], vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 435–444. (In Russian).

Basilov V. N. [Men's House in Bongu]. *Sovetskaiia Etnografiia*, 1977, no. 6, pp. 89–103. (In Russian)

Belkov P. L. [Miklouho-Maclay's Ethnographic Discoveries. An Illustrated Study in Melanesian Ethnology]. *Staroe i novoe v izuchenii etnograficheskogo naslediiia N. N. Miklukho-Maklaia. Ocherki po istoriografii i istochnikovedeniiu* [The Old and the New in the Studies of the Ethnographic Heritage of N. N. Miklouho-Maclay. Essays in Historiography and Source Studies]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2014, pp. 79–107. (In Russian).

Belkov P. L. Proiskhozhdenie N. N. [The Origins of N. N. Miklouho-Maclay as a "Man of Science": "Ethnologia" Notebook: Choosing the Main Task]. *Staroe i novoe v izuchenii etnograficheskogo naslediiia N. N. Miklukho-Maklaia. Ocherki po istoriografii i istochnikovedeniiu* [The Old and the New in the Studies of the Ethnographic Heritage of N. N. Miklouho-Maclay. Essays in Historiography and Source Studies]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2014, pp. 9–50. (In Russian).

Butinov N. A. [Miklouho-Maclay's Drawings]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 12, pp. 213–231. (In Russian).

Butinov N. A. [Miklouho-Maclay on the Maclay Coast]. *Na Beregu Maklaia. Etnograficheskie ocherki* [On the Maclay Coast Ethnographic Essays]. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 5–25. (In Russian).

Butinov N. A. [Papuans Remembering Miklouho-Maclay: Testimonies of Later Travelers]. *Miklukho-Maklai N. N. Sobranie sochinenii v piati tomakh* [Miklouho-Maclay N. N. Collected Works in Five Volumes]. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1950, vol. 2, pp. 739–750. (In Russian).

Etnografiya, istoriya, kul'tura stran yuzhnyh morej. Maklaevskie chteniya 1995–1997 gg. [Ethnography, history, culture of the countries of the southern seas. Maklaev readings 1995–1997]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 1997. (In Russian).

Govor E. N. [Miklouho-Maclay in the Memoirs of Contemporaries (The Forgotten Pages)]. *Sovetskaiia Etnografiia*, 1986, no. 2, pp. 110–118. (In Russian).

Ivanova L. A. [Challenges of the Source Studies of N. N. Miklouho-Maclay's Ethnographic Collections]. *Chelovek iz legendy. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia N. N. Miklukho-Maklaia (Malaisko-indonezii/skie issledovaniia 8)* [The Man from the Legend. Dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of N. N. Miklouho-Maclay (Malay-Indonesian Studies 8th)]. Moscow, 1997, pp. 19–30. (In Russian).

Ivanova L. A. *Etnograficheskoe sobranie N. N. Miklukho-Maklaia. Materialy i issledovaniia po istochnikovedeniiu i atributsii* [The Ethnographic Collection of Nikolai N. Miklouho-Maclay. Materials and Studies in Source Criticism and Attribution]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2021. (In Russian).

Kabo V. R. [Rets.] Putilov B. N. [The Songs of the Southern Seas]. Moscow, 1978. 193 s.; [Myth — ritual — song of New Guinea]. Moscow, 1980. 383 s.; [Nikolai Nikolaevich Miklouho-Maclay. Pages of Biography]. Moscow, 1981. 213 s.; [A Man from the Moon. N. N. Miklouho-Maclay's Diaries, Letters, and Essays]. Moscow, 1982. 136 s. *Sovetskaiia Etnografiia*, 1984, no. 2, pp. 167–170. (In Russian).

Kozintsev A. G. [Evolution of Human Populations in the Southern Part of the Pacific Basin: New Facts and Generalizations]. *Avstraliia, Okeaniia, Iugo-Vostochnaia Aziia: narody, kul'tura, istoriia. Maklaevskie chteniia (1998–2000)* [Australia, Oceania, Southeast Asia: Peoples, Culture, History. Maklaev Readings (1998–2000)]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2001, pp. 90–96. (In Russian).

Lebedeva A. A. [Materials and Studies of Ethnographic Drawings by N. N. Miklouho-Maclay. From the History of N. N. Mikluho-Maclay's Collection in the MAE (Russian Academy of Sciences)]. *Staroe i novoe v izuchenii etnograficheskogo naslediia N. N. Miklukho-Maklaia. Ocherki po istoriografii i istochnikovedeniiu* [The Old and the New in the Studies of the Ethnographic Heritage of N. N. Miklouho-Maclay. Essays in Historiography and Source Studies]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2014, pp. 124–156. (In Russian).

Massov A. Ya. Perepiska N. N. [Miklouho-Maclay's Correspondence with the Minister of Foreign Affairs of Russia N. K. Giers on the Military Drills and Political Situation in Australia and Oceania]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Vyp. 28. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1994, pp. 204–223. (In Russian).

Na Beregu Maklaia. Etnograficheskie ocherki [On the Maclay's Coast. Ethnographic Essays]. Moscow: Nauka Publ., 1975. (In Russian).

Putilov B. N. [Around N. N. Miklouho-Maclay's Ethnographic Exhibition]. *Etnografiia, istoriia, kul'tura stran iuzhnykh morei. Maklaevskie chteniia 1995–1997 gg.* [Ethnography, history, culture of the countries of the southern seas. Maklaev readings 1995–1997]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 1997, pp. 21–29. (In Russian).

Putilov B. N. [Miklouho-Maclay's Ethnological Exhibition in 1886]. *Narody bassei Tikhogo okeana. Obshchestvo, istoriia, kul'tura. Maklaevskie chteniia 1993–1994 gg.* St. Petersburg: MAE RAS Publ., 1994. (In Russian).

Putilov B. N. *Chelovek s Luny Dnevnik, pis'ma, stat'i Miklukho-Maklaia* [A Man from the Moon. Miklouho-Maclay's Diaries, Letters, and Essays]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 1982. (In Russian).

Putilov B. N. *Mif — obriad — pesnia Novoi Gvinei* [Myth — Ritual — Song of New Guinea]. Moscow: Nauka Publ., 1980. (In Russian).

Putilov B. N. *Nikolai Nikolaevich Miklukho-Maklai. Stranitsy biografii* [Nikolai Nikolaevich Miklouho-Maclay. Pages of Biography]. Moscow: Nauka Publ., 1981. (In Russian).

Putilov B. N. *Pesni Yuzhnykh morei* [Songs of the South Seas]. Moscow: Nauka Publ., 1978. (In Russian).

Revunenкова E. V. [N. N. Miklouho-Maclay on the Aborigines and Malays of the Malacca Peninsula]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1994, no. 1, pp. 134–148. (In Russian).

Revunenкова E. V. [A Short Overview of the History and Geography of the “Maclay Readings”]. *Etnografiia, istoriia, kul'tura stran iuzhnykh morei. Maklaevskie chteniia 1995–*

1997 gg. [Ethnography, history, culture of the countries of the South Seas. Maklaev readings 1995–1997]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 1997, pp. 3–9. (In Russian).

Shaskol'skaia T. I. [Unknown Drawings, Autographs and Gift Notes of N. N. Miklouho-Maclay in the Maclay Collection of the Library of the MAE RAS]. *Staroe i novoe v izuchenii etnograficheskogo naslediiia N. N. Miklukho-Maklaia. Ocherki po istoriografii i istochnikovedeniiu* [The Old and the New in the Studies of the Ethnographic Heritage of N. N. Miklouho-Maclay. Essays in Historiography and Source Studies]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2014, pp. 108–123. (In Russian).

Staroe i novoe v izuchenii etnograficheskogo naslediiia N. N. Miklukho-Maklaia. Ocherki po istoriografii i istochnikovedeniiu [The Old and the New in the Studies of the Ethnographic Heritage of N.N. Miklouho-Maclay. Essays in Historiography and Source Studies]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2014. (In Russian).

Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii v 22 tomakh* [Collected Works in 22 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984, vol. 19, pp. 117–118. (In Russian).

Tumarkin D. D. [Miklouho-Maclay and His Legacy (To the 100th Anniversary of His Death)]. *Sovetskaiia etnografiia*, 1988, no. 2, pp. 5–7. (In Russian).

Tumarkin D. D. [The Second Life of N. N. Miklouho-Maclay: Myth and Legends about the Russian Scholar in Papua New Guinea]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1997, no. 1, pp. 158–169. (In Russian).

Tumarkin D. D. *Belyi papuas. N. N. Miklukho-Maklai na fone epokhi* [The White Papuan. N. N. Miklouho-Maclay in the Context of His Time]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011. (In Russian).

Tumarkin D. D. [*O tamo kaye* (Fieldwork on the Maclay Coast)]. *Vospominaniia sotrudnikov IEA RAN* [Memoirs of the Staff of the IEA RAS]. Moscow, 2015, pp. 6–30. (In Russian).

Tutorskii A. V. [Legends about N. N. Miklouho-Maclay in the Culture of the Maclay Coast Residents]. *Staroe i novoe v izuchenii etnograficheskogo naslediiia N. N. Miklukho-Maklaia. Ocherki po istoriografii i istochnikovedeniiu* [The Old and the New in the Studies of the Ethnographic Heritage of N. N. Miklouho-Maclay. Essays in Historiography and Source Studies]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2014, pp. 157–192. (In Russian).

Submitted: 21.04.2021

Accepted: 12.07.2021

Published: 01.10.2021